

Глаголев С. С. Древо знания и древо жизни: [Вступительные лекции по основному богословию, прочитанные в Московской Духовной Академии 15 и 21 сентября 1915 г.] // Богословский вестник 1916. Т. 1. № 2. С. 213–245 (2-я пагин.). (Начало.)

Древо знанія и древо жизни *).

Γύββις ζωτικῆς φύσεως.

1 Корин. 13, 8.

Историческія событія не совпадаютъ съ хронологическими циклами. На рубежѣ XIX и XX столѣтій не произошло ничего, что могло бы стать исторической вѣхой. Но прошло немного лѣтъ отъ начала вѣка, и событія стали возникать. Много глубоко важнаго пережила Русь въ послѣднее десятилѣтіе. Но это только Русь. Съ небольшимъ годъ тому назадъ произошло нѣчто несравненно болѣе грандіозное и важное. Пожаръ міровой войны охватилъ нашу землю, и началась скорбь, которой не было отъ начала міра. Когда и какъ окончится эта скорбь? никто кромѣ Бога не знаетъ этого. Не будемъ и мы гадать объ этомъ. Но то, что уже произошло, имѣло неисчислимыя послѣдствія, и одно изъ нихъ имѣетъ весьма важное значеніе для насъ съ вами, и для того дѣла, которое мы теперь начинаемъ.

Видите ли, мы съ вами, собравшіеся здѣсь, принадлежимъ главнымъ образомъ, если почти неисключительно, къ духовному сословію. По своеобразной ироніи судьбы въ послѣднія десятилѣтія молодежи изъ этого сословія былъ крайне затрудненъ путь къ древу знанію. Я говорю не о райскомъ древѣ, доступъ къ которому возбраненъ всему человѣчеству. Я говорю о томъ суррогатѣ этого древа, которое выращено усилиями слабыхъ и смертныхъ людей и которое носитъ имя науки. Результаты, добытые ею, сообщаются въ университетахъ и академіяхъ. Но двери университетовъ передъ семи-

¹⁾ Вступительныя лекціи по Основному Богословию, прочитанныя въ Московской духовной академіи 15 и 21 сентября 1915 г.

наристами были закрыты почти совсѣмъ, а въ академіи вель путь узкій и нечуждый случайностей. Въ этомъ году почти на этихъ дняхъ все измѣнилось. И университеты и академіи обращаются къ семинаристамъ съ словами: „добро пожаловать“. Это—новая фаза въ исторіи русскаго просвѣщенія, которая, всею душой хочу вѣрить, скажется могучими и благодѣтельными послѣдствіями для нашей великой родины.

Но скажется ли она благодѣтельными послѣдствіями для тѣхъ, предъ которыми теперь открыты двери научнаго рая? Смысл моего вопроса заключается вотъ въ чемъ. Чего бы ни искалъ человѣкъ, онъ ищетъ счастья, и я спрашиваю: тѣ, которые безъ нынѣшней благодѣтельной мѣры не получили бы высшаго образованія и теперь благодаря этой мѣрѣ, его получаютъ, станутъ ли отъ этого счастливѣе? Вопросъ этотъ сложенъ и на него нельзя отвѣтить простымъ „да“ и „нѣтъ“. Въ одномъ отношеніи тѣ, о которыхъ мы говоримъ, несомнѣнно будутъ счастливѣе, потому что они не будутъ чувствовать себя несчастными вслѣдствіе несправедливаго къ нимъ отношенія. Теперь безъ сомнѣнія въ нашихъ деревняхъ и селахъ, да и городахъ имѣется не мало батюшекъ, которые хотѣли бы быть врачами, юристами, естественниками, по которымъ министерскіе циркуляры возбрали доступъ къ изученію медицины, законовъ, природы. Они могутъ чувствовать себя несчастными, потому что стали не тѣмъ, чѣмъ хотѣли быть. Теперь несчастные этого типа должны исчезнуть. Разумѣется, и теперь много будетъ такихъ, которые станутъ не тѣмъ, чѣмъ хотятъ быть, но уже отъ другихъ причинъ. Одинъ факторъ несчастья выпалъ изъ ряда тѣхъ, которыми создается судьба человѣка. Но не говоря о томъ, что осталось много старыхъ факторовъ несчастья, спрашивается—не явятся ли новые? Человѣкъ чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ въ деревнѣ, но не чувствуетъ ли онъ себя еще болѣе неудовлетвореннымъ въ городѣ?

У Байрона въ его драмѣ *Manfred* герой говоритъ (act 1. scene 1):

The Tree of Knowledge is not that of Life
— Древо званія—не древо жизни.

Жизнь есть счастье. Пессимисты и драпирующіеся въ тогу

пессимизма поэты хотятъ не понимать этого и говорить о жизни, какъ о страданіи. Но не понимать этого на самомъ дѣлѣ нельзя. Страданіе состоитъ въ ограниченіи жизни, въ отнятіи тѣхъ или другихъ признанныхъ благъ. На войнѣ вы лишились нѣсколькихъ близкихъ человѣкъ. Это — скорбь; русло вашей жизни ссузилось, сердце бьющихся въ унисонъ съ вашимъ стало меньше. Вы потерями здоровье. Это значитъ, что интенсивность жизни вашей стала слабѣе; вы чувствуете себя плохо, потому что жизни въ васъ меньше. Вы потеряли имущество. Это опять ведетъ къ ограниченію жизни. Вы не можете удовлетворить той или иной изъ вашихъ потребностей. Жизнь есть благо и умноженіе полноты жизни есть умноженіе блага. Страданіе есть слѣдствіе потери части жизни. Человѣкъ на самомъ дѣлѣ всегда и считалъ и считаетъ жизнь благомъ и цѣлко хватается за нее. Недаромъ говорятъ, что человѣкъ можетъ продать свою душу, но не продастъ своей жизни (Іова 2, 4). Я спрашиваю: древо знанія является ли этапомъ на пути къ древу жизни?

Есть одно любопытное обстоятельство, которое, не заключаая въ себѣ отвѣта на предложенный вопросъ, содержитъ, мнѣ кажется, намекъ на отвѣтъ. Обстоятельство это состоитъ въ томъ, что знаніе не умѣетъ производить жизни. Во второй части Фауста вы находите Вагнера, создающимъ гомункула (Zweiter Aufzug. Laboratorium), но это иррелія надъ средневѣковыми претензіями создать жизнь искусственнымъ путемъ, а не изображеніе чего-либо похожаго на фактъ. Передъ проблемою жизни наука отступала за все время своего существованія, и теперь мы стоимъ передъ двумя фактами: 1) по старому приходится утверждать, что *omne vivum ex vivo* и 2) что интеллектъ ограничиваетъ жизнь, а не умножаетъ ее. Если вы расположите животныя существа по лѣстницѣ разумаго восхожденія, то придется установить, что умноженіе разума уменьшаетъ количество производимыхъ жизней; существа низшихъ типовъ гораздо плодовитѣе, чѣмъ существа типовъ высшихъ. Если мы отъ животнаго міра обратимся исключительно къ человѣческому, намъ съ необходимостью придется констатировать, что некультурныя расы плодовитѣе культурныхъ. Если затѣмъ и въ культурныхъ расахъ мы остановимся на цехѣ собственно представителей

культуры, то оно опять окажется наименѣе плодovitымъ. Если наконецъ мы остановимся съ вами на исключительно выдающихся натурахъ, то мы совсѣмъ не найдемъ ихъ родовъ: или прямо они были безпотомственны, или потомство ихъ угасало въ ближайшихъ поколѣнiяхъ.

Вкусивъ отъ древа знанья, человекъ не вкусилъ отъ древа жизни, и жизнь оказалась находящеюся не въ его власти. И не только знанiе оказалось безсилно предъ жизнью: нѣтъ, знанiе оказалось заключающимъ само въ себѣ смертельную язву и важнѣйшей истиной знанiя явилось то, что всѣ мы смертию умремъ. Культурность, сказала я, ограничиваетъ плодovitость: значить, вносить зародышъ смерти въ жизнь, но кромѣ этого знанiе прозрѣваетъ смерть всего въ будущемъ. Какъ ни модифицируетъ наука Darkness Байрона, прекрасный переводъ которой предложенъ намъ Тургеневымъ, ея сущность признается правдой. Говоря о будущемъ, какъ о прошедшемъ, Байронъ писалъ:

И мiръ былъ пустъ.
 Тотъ многолюдный мiръ, могучій мiръ
 Былъ мертвой массой, безъ травы, деревень.
 Безъ жизни, времени, людей, движенiя...
 То хаосъ смерти былъ. Озера, рѣки
 И море— все затихло. Ничего
 Не шевелилось въ безднѣ молчаливой.
 Безлюдные лежали корабли.
 И гнили на недвижной, сонной влагѣ...
 Безъ шума, по частямъ валились мачты,
 И падая, волны не возмущали...
 Моря давно не вѣдали приливовъ...
 Погибла ихъ владычица—луна;
 Завяли вѣтры въ воздухѣ нѣмомъ...
 Исчезли тучи... Тѣмъ не нужно было
 Ихъ помощи... она была повсюду.

Намъ скажутъ, что въ этомъ описанiи будущаго есть противорѣчiя. Намъ скажутъ далѣе, что родъ смерти, которымъ должна будетъ умереть земля, неизвѣстенъ наукѣ, но намъ не скажутъ, что земля не умретъ. Смотри на играющаго ребенка, никто не можетъ предсказать, какую смертию онъ умретъ—погибнетъ ли онъ въ цвѣтушихъ лѣтахъ въ какой-нибудь войнѣ, мирно ли онъ въ преклонныхъ лѣтахъ заснетъ вѣчнымъ сномъ окруженный потомками, сгубитъ ли его безвременно какое-нибудь всудачное предпрiятiе или

специфическій недугъ? Никто не можетъ предвидѣть этого. Но онъ умереть, это—для всѣхъ несомнѣнная истина. Тоже самое и относительно земли. Застынетъ ли она, какъ это предполагаетъ Байронъ, упадетъ ли на солнце, погибнетъ ли при столкновеніи съ какимъ-нибудь небеснымъ тѣломъ, какъ гибнуть пароходы, столкнувшіеся въ туманную ночь, умереть ли она отъ собственной дряхлости, она несомнѣнно умереть. Объ этомъ не спорять.

Наивные люди, вѣря въ грядущую смерть земли, пытаются находить утѣшеніе въ томъ, что смерть земли не будетъ смертью вселенной. Жизнь будетъ процвѣтать среди міровъ иныхъ. Странное утѣшеніе! Что намъ до этихъ міровъ? Мы ихъ не знаемъ. Жизнь ихъ для насъ не представима. Мы можемъ любить своихъ дѣтей, но не можемъ любить неизвѣстнаго. Мы даже и не знаемъ—существуетъ ли это неизвѣстное! Теплится ли гдѣ-нибудь еще жизнь въ мировомъ пространствѣ кромѣ земли? Нѣкоторые отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно. Но все равно, эти чуждые намъ небесные міры насъ не касаются. На землѣ создавались науки, искусства, культура. Все это погибнетъ. Вотъ—фактъ.

Знаніе не предотвратитъ гибели земли, знаніе никого и изъ насъ не избавитъ отъ смерти. Это мы всѣ знаемъ. Знаніе не даетъ вѣчной жизни, но всегда человѣчествомъ руководила мысль, что знаніе можетъ дать счастливую жизнь; знаніе даетъ человѣку средства для жизни. Оно не освобождаетъ человѣка отъ подчиненія законамъ природы, но оно подчинитъ ему природу.

Такъ ли это?

Въ старину нерѣдко велись споры о томъ, какой возрастъ счастливѣе, въ новое время эти споры не были оставлены, но къ нимъ присоединились еще другіе—кто счастливѣе: культурные или некультурные люди? Получая все большее и большее культурное наслѣдство, люди стали задумываться надъ тѣмъ: дѣйствительно ли цѣнно это наслѣдство. Какъ будто это наслѣдство болѣе давило своею тяжестью, чѣмъ облегчало путь жизни. Я думаю, что къ этимъ двумъ вопросамъ нужно присоединить третій аналогичный: было ли счастливѣе человѣчество въ прошедшемъ или оно будетъ счастливѣе въ будущемъ? Я называю этотъ вопросъ ана-

логичнымъ и нетрудно показать, что всѣ три предложенные вопроса представляютъ собою въ сущности вариацию одного и того же. Вопросъ первый: кто счастливѣе: ребенокъ или взрослый? Вопросъ второй: кто счастливѣе: дикарь или культурный человекъ, но культурный человекъ по отношенію къ дикарю является умственно и нравственно выросшимъ. Въдь, дикарей часто сравниваютъ съ дѣтьми. Наконецъ, вопросъ третій: пережило ли человѣчество свое наибольшее счастье или такое счастье ожидаетъ его въ будущемъ, есть въ сущности тоже вопросъ о томъ: есть ли счастье удѣлъ дѣтства человѣчества или оно овладѣетъ счастьемъ по достиженіи зрѣлаго возраста.

И знаете ли, въ чемъ твердо убѣжденъ я? Въ томъ, что счастье — позади, а не впереди и что попытки вернуть это счастье такъ же безнадежны, какъ попытки вернуть свою молодость.

Счастливъ ребенокъ и въ людяхъ просторно ему.

Но погоди, дай время сдѣлаться мужемъ

И тѣсень покажется мѣрь.

Немного нужно для счастья ребенка и въ рукахъ взрослыхъ часто имѣется много средствъ, чтобы заставить ребенка испытать счастье: незатѣйливая игрушка, дешевыя конфекты, ласка тети, немудреная игра съ сверстникомъ и счастливъ ребенокъ.

Счастливъ ребенокъ во всякій праздникъ, когда на него падѣваютъ хорошенькую рубашку и даютъ ему пирожного, легко для него и будни превращаются въ праздникъ. Часто дѣти и плачутъ, но послѣ этихъ слезъ скоро лицо озаряется улыбкой все равно, какъ послѣ лѣтняго дождя земля скоро озаряется солнечнымъ свѣтомъ. Но чѣмъ долѣе растетъ ребенокъ, тѣмъ рѣже слышится его беззаботный смѣхъ, тѣмъ рѣже лицо его расцвѣчивается счастливой улыбкой. Счастье уходитъ вмѣстѣ съ наивностію и довѣрчивостію дѣтскихъ лѣтъ. Мѣрь, оказывается, шире, чѣмъ онъ думалъ. Человѣческія отношенія сложнѣе, чѣмъ они ему казались. Являются заботы и столкновенія. Праздники на пути жизни встрѣчаются рѣже и рѣже. Должно все-таки признать, что самыя сильныя радости, высочайшее счастье падаетъ не на дѣтство, оно падаетъ на пору любви. Но здѣсь нужно обратить вниманіе на слѣдующее. Въ самомъ задуломъ, въ

самомъ ужасномъ дѣтствѣ, какое поражаетъ насъ, бываетъ не мало счастливыхъ часовъ и дней, потому что немного нужно для счастья ребенка и тѣмъ менѣе ему нужно, чѣмъ меньше онъ имѣетъ. Но любить и быть любимымъ—удѣлъ немногихъ и затѣмъ счастье въ любви—даже когда и не ослабѣваетъ любовью—очень недолговѣчно. Одною такою любовью не могутъ жить люди. Медовый мѣсяць легко переходитъ въ полынный, и условія счастья оказываются только гораздо сложнѣе: нужно заботиться и о счастья своемъ и о счастья любимаго человѣка. Наконецъ, должно отмѣтить, что счастье въ любви подается человѣку явно затѣмъ, чтобы въ мірѣ явилось новое поколѣніе, которое потомъ и вытѣснитъ съ пира жизни этого человѣка. Наибольшая сумма счастья падаетъ на дѣтство.

Достигнувъ зрѣлаго возраста, человѣкъ оказывается менѣе воспріимчивымъ къ радостямъ и болѣе чувствительнымъ къ горестямъ. Онъ не плачетъ отъ пустяковъ, онъ не обнаруживаетъ раздраженія и недовольства, когда къ нему относятся не такъ, какъ бы онъ хотѣлъ, но невзгоды, скорби и непріятности онъ слагаетъ въ своемъ сердцѣ, думаетъ о нихъ, волнуется и мучается. Не приходитъ забвеніе, не происходитъ и смѣны горя радостями. Испытать чувства радости оказывается нелегко. Не такъ реагируютъ тѣло и духъ на внѣшнія впечатлѣнія. Десертъ и конфеты не доставляютъ наслажденія. Беззаботное веселье становится невыносимымъ. Отношенія къ людямъ становятся подозрительными.

И чѣмъ дальше идетъ жизнь, тѣмъ менѣе окружающая дѣйствительность удовлетворяетъ человѣка и тѣмъ болѣе начинаетъ сказываться разладъ между нимъ и дѣйствительностью. „Помни Создателя твоего, говоритъ Екклесіастъ, въ дни юности твоей, доколѣ не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которыхъ ты будешь говорить: „пѣтъ мнѣ удовольствія въ нихъ!“ доколѣ не померкли солнце и свѣтъ и луна и звѣзды, и не нашли новыя тучи въ слѣдъ за дождемъ. Въ тотъ день,—когда задрожать стрегущіе домъ и согнутся мужи силы и перестанутъ молотъ мелющіе, потому что ихъ немного осталось; и помрачатся смотрящіе въ окно, и запираются будутъ двери на улицу; когда замолкнетъ звукъ жернова, и будетъ вставать *человѣкъ* по крику пѣтуха и замолкнутъ дщери пѣнія; и высоты будутъ имъ страшны, и

на дорогѣ ужасы, и зацвѣтетъ миндаль, и отяжелѣетъ кузнечикъ, и разсыплется каперсъ. Ибо отходить человѣкъ въ вѣчный домъ свой, и готовы окружить его по улицѣ плакальщицы;—доколѣ не порвалась серебряная цѣпочка и не разбилась золотая повязка, и не разбился кувшинъ у источника, и не обрушилось колесо надъ колодеземъ“ (Екклес. 12, 1—6). Жизнь пойдетъ на убыль. Человѣкъ становится все менѣе приспособленнымъ къ средѣ и въ физическомъ и въ духовномъ смыслѣ. Ему приходится болѣе защищаться отъ воздѣйствія стихій, быть болѣе осторожнымъ и разборчивымъ въ выборѣ и употребленіи пищи, природа постепенно становится для него болѣе и болѣе недоступной. Ему трудно взбираться на горы, опасно оставаться на морскомъ берегу ночью, когда луна сообщаетъ морю волшебную прелесть. Разладъ съ дѣйствительностью усиливается у него и въ области духа. Интересы новаго поколѣнія—не его интересы. Онъ можетъ быть великимъ ученымъ, талантливымъ мыслителемъ, изъ своего кабинета онъ можетъ пускать въ обращеніе человѣчества цѣнныя идеи, но ему уже нѣтъ мѣста на пиру жизни человѣчества, его отъснѣаютъ отъ стола, за которымъ сидятъ люди данной минуты. Жизнь и ея радости уходятъ отъ него. И онъ знаетъ, что они уходятъ и они не вернуться. Счастіе можетъ быть только тогда, когда человѣкъ приспособленъ къ средѣ, когда онъ находится въ гармоніи съ міромъ, но старикъ—въ дисгармоніи со всѣмъ, что его окружаетъ, и впереди его ждетъ окончательный разрывъ со средою, разрывъ, который произведетъ неумолимая смерть. Почитайте „стихотворенія въ прозѣ“ Тургенева, почитайте его: „о царство молодости, лазури и счастья, я видѣлъ тебя во снѣ“, какую тоскою о невозвратномъ вѣютъ эти слова. Вѣдь вмѣсто „царство молодости“ нужно поставить „царство жизни“. Старый художникъ такъ тонко и глубоко чувствующій и понимающій красоты жизни, сознаетъ, что ему уже нѣтъ мѣста въ ея царствѣ. Какое тутъ счастье!

Въ жизни отдѣльнаго человѣка происходитъ, что по мѣрѣ того, какъ человѣкъ живетъ, счастье все болѣе отходить отъ него. Возможность счастья обратно пропорціональна возрасту человѣка. Это — связь счастья съ лѣтами. Но какая связь счастья человѣка съ культурою? Я думаю, что чѣмъ

болѣе культуренъ человѣкъ, тѣмъ менѣе для него возможно счастье. У насъ любятъ умиляться на культуру, великія надежды возлагаютъ на ея будущее. На самомъ дѣлѣ культура гораздо больше возбуждаетъ аппетиты, чѣмъ удовлетворяетъ ихъ. Не затрогивая пока вопроса о будущемъ, остановимся на настоящемъ. Сравнимъ дикаря и культурнаго человѣка. По моему мнѣнію между ними двойное различіе: 1) потребности культурнаго человѣка удовлетворить гораздо труднѣе, чѣмъ потребности дикаря и 2) удовлетвореніе потребностей доставляетъ дикарю гораздо болѣе удовольствія, чѣмъ культурному человѣку. Этнографы и антропологи любятъ проводить параллели между дикаремъ и ребенкомъ. Дикарь вырастаетъ, не теряя вкуса къ тому, что любятъ дѣти. Дикарю доставляетъ громадное наслажденіе пища. Дикари какъ и дѣти, любятъ игры. Дикари забываются въ танцахъ. Дикарь ближе къ природѣ, чѣмъ лучшіе натуралисты, лабораторіи которыхъ далеки отъ живой дѣйствительности, и дикарь сильнѣе и тоньше чувствуетъ природу, лучше замѣчаетъ въ ней нюансы и перемѣны, чѣмъ талантливые художники. Дикарь интимно связанъ съ природой, вслѣдствіе этого природа даетъ ему больше, чѣмъ культурному человѣку, а проситъ онъ у ней меньше. Дикарь смотритъ на природу иными глазами, чѣмъ ученый. Для дикаря природа божественна, одушевлена. Разумѣется, пока человѣкъ не извратитъ совсѣмъ своей природы, окружающая дѣйствительность является для него источникомъ эстетическаго наслажденія, но это наслажденіе расхолаживается анализомъ. Ученый спѣшитъ увѣрить себя, что чувство красоты субъективно, что природа только механизмъ, не преслѣдующій никакой цѣли, равнодушный къ красотѣ, добру и уму. Возрѣнія дикаря—поскольку мы знаемъ возрѣнія дикарей,—напротивъ, усиливаютъ впечатлѣнія отъ природы. Они чувствуютъ въ природѣ что-то высшее, таинственное святое.

Говорятъ, что культура обезпечиваетъ и увеличиваетъ благополучіе. Такъ ли это? Въ культурныхъ войнахъ погибаетъ неизмѣримо больше людей, чѣмъ въ войнахъ дикарей. Теперешняя міровая война должна быть разсматриваема, какъ плодъ всей многовѣковой культурной жизни человѣчества. Въ этой войнѣ человѣчество держитъ экзаменъ по наукѣ умѣнья истреблять своихъ ближнихъ. Экзаменъ сдается не

худо но не будучи пессимистомъ, я все таки не сомнѣваюсь, что черезъ нѣкоторое время человѣчество снова само привлечетъ себя къ новому экзамену, и требованія будутъ повышены, и экзаменъ будетъ выдержанъ еще болѣе блестяще.

Помимо войны культура не обезпечиваетъ и не гарантируетъ человѣку возможность случайной смерти, но она какъ-то развиваетъ въ человѣкѣ чувство страха передъ смертію. Культурные люди трусливѣе дикарей. А уже существованіе страха смерти есть сильная тѣнь, набрасываемая на человѣческое благополучіе. Говорятъ о дарахъ культуры. Какіе это дары? Дикое завываніе первобытныхъ дудокъ, бой въ барабанъ, въ бубны доставляютъ дикарю болѣе наслажденія, чѣмъ современному меломану музыка Бетховена и Рубинштейна. У дикарей всегда есть своя живопись и скульптура. У нихъ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ и телефоновъ. Они имъ и не нужны. У нихъ нѣтъ докторовъ, берущихъ по 25 и 50 рублей за пріемъ съ пациентовъ, но въ этомъ отношеніи мы имъ можемъ только завидовать. Ихъ знахари—жрецы стоятъ несравненно дешевле, а статистическими данными относительно того, сколькихъ сравнительно не вылечиваютъ знахари и доктора, мы не располагаемъ. Замѣчу только, что современные доктора замѣтно поворачиваютъ въ сторону знахарства, потому что внушеніе и гипнотизмъ — главные способы леченія у дикарей—начинаютъ признаваться важными лечебными факторами у людей культурныхъ. Я глубоко завидую дикарямъ уже въ томъ, что у нихъ нѣтъ газетъ. Мы культурные люди для того, чтобы не пребывать во мракѣ, принуждены ежедневно пробѣгать нѣсколько газетъ. Если вы занимаете видное общественное положеніе, то развертывая газету, вы рискуете всегда встрѣтить сообщеніе о томъ, что вы допускаете возмутительныя злоупотребленія во ввѣренной вамъ области, что вы берете взятки, преслѣдуете честныхъ и умныхъ людей, отдаете мѣста близкимъ родственникамъ. Развязный корреспондентъ безъ затрудненія намекнетъ, что вы принимаете участіе въ подлогахъ, что у васъ запутанныя семейныя отношенія. Могутъ коснуться и вашей родословной и сообщить такія вещи о вашихъ родителяхъ, что вчужѣ станетъ страшно. Но если вы—такой счастливый человѣкъ, что васъ лично никогда не задѣваютъ газеты, то все равно вамъ при чтеніи ихъ не

избѣжать тяжелаго чувства. У васъ есть тѣ или инья вѣрованія, убѣжденія, вы сочувствуете тѣмъ или инымъ проектамъ и никакимъ чудомъ вы не спасетесь отъ того, чтобы на ваши глаза не попала газета, утверждающая, что раздѣляемая вами вѣрованія нелѣпы, убѣжденія — неискренни, проекты—лукавы. Конечно и дикари злословятъ другъ друга, но дикарь не получаетъ и не держитъ въ своей хижинѣ позорящихъ его изданій, и злословіе у дикарей идетъ подъ сурдинку и гораздо медленнѣе и осторожнѣе превращается въ публичное обвиненіе, чѣмъ это дѣлается въ европейской или американской печати.

Убѣжденія дикаря—каковы бы они ни были—обычно гораздо тверже, чѣмъ убѣжденія людей культурныхъ. Культурный человекъ всегда нѣсколько скептикъ, нѣсколько сомнѣвающийся. Но состояніе сомнѣнія не есть состояніе благополучія. Представьте себѣ влюбленнаго юношу — дикаря и нашего студента. Дикарь любитъ и конецъ. Онъ, не задумываясь, свернетъ шею своему сопернику; во многихъ случаяхъ для того, чтобы любимая дѣвушка стала его женой, онъ готовъ на опасные подвиги, не задумается, пожалуй, поставить на ставку свою жизнь. Теперь посмотримъ культурнаго юношу. Уже чтеніе литературныхъ произведеній, гдѣ безъ конца выводятся ловительницы жениховъ, заставляетъ его задумываться, не обманывается ли онъ въ любимой дѣвущкѣ, не скрываетъ ли она подъ личиною добродѣтели некрасивыя вожделѣнія. Прежде, чѣмъ пережить свою жизнь въ дѣйствительности, современный юноша переживаетъ чужія жизни по книгамъ. Послѣ этого къ событіямъ въ собственной жизни онъ подходитъ съ сомнѣніемъ и анализомъ. Но анализъ и сомнѣнія плохой гарниръ для чувства любви. А затѣмъ, что касается до культурныхъ дѣвусекъ, то я думаю что ихъ опытность давно заставила ихъ отказаться отъ мысли имѣть мужьями людей способныхъ на геройскіе подвиги.

Старому знаменитому историку бывшему профессору нашей Академіи болѣе 30 лѣтъ, когда онъ сталъ выражать нѣкоторыя сомнѣнія въ пользу науки, одна дама сказала: „а вотъ вы забыли:

Науки юношей питають,

Отраду старцамъ подають“.

На это ученый возразилъ: „о! это—устарѣлая редакція“.— „Какая же новая?“ спросили его. Онъ привелъ слѣдующую:

Науки юношей питають,
 Но сытими ихъ не творять,
 Лишь аппетиты возбуждають
 И, зря, истинныя шевелятъ.

„Кто авторъ этой новой редакціи?“ спросили историка— „Одинъ скромный поэтъ, отвѣтилъ онъ, который никогда не скажетъ вамъ своего имени“. Оставимъ въ сторонѣ автора. Но останется несомнѣнной правдой, что науки гораздо болѣе возбуждаютъ аппетиты, чѣмъ удовлетворяютъ ихъ: у людей духовно благородныхъ они усиливаютъ аппетитъ къ знанію и, не будучи въ состояніи удовлетворить его, производятъ голодь; у людей ничтожныхъ они порождаютъ сомнѣніе и увѣренность въ своемъ преимущественномъ правѣ на пользование житейскими благами.

У культурныхъ людей исчезаютъ сильныя чувства, они даже стыдятся ихъ, а гдѣ нѣтъ сильныхъ чувствъ, тамъ не можетъ быть и большихъ радостей. Чувства находятъ свое выраженіе въ поэзіи, и поучительно, что поэзія въ жизни народовъ предшествуетъ прозѣ. Гомеръ древнѣе Платона, и поэзія въ Аравіи существовала задолго до того, какъ, явилась проза корана. Но счастье, если оно дѣйствительно похоже на счастье, должно быть поэтично, а не прозаично. И вотъ почему мнѣ думается, что, когда вмѣстѣ съ культурой въ жизни народовъ является проза, то вмѣстѣ съ этимъ ослабляется возможность счастья.

Но если культура ослабляетъ чувства наслажденія и радости, то тогда само собою рѣшается вопросъ—къ счастью или отъ счастья идетъ человѣчество? оно идетъ или по крайней мѣрѣ хочетъ идти путемъ прогресса, оно хочетъ культурнаго преуспѣянія, оно хочетъ, чтобы миражи, иллюзіи, суевѣрія были разсѣяны, оно хочетъ все понять, чтобы перестать удивляться и восхищаться, чтобы перестать одобрять и порицать. Постараемся немножко пораздумать надъ тѣмъ, какое будущее ожидаетъ это человѣчество?

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о его культурности, и прогрессивности, посмотримъ сначала на отношеніе къ нему природы: должно ли оно въ будущемъ ждать отъ природы болѣе или менѣе благъ, чѣмъ сколько она давала въ

прошедшемъ? И не споря ни съ Дарвиномъ, ни съ его противниками, на основаніи историческаго опыта человѣчества должно признать, что природа бѣднѣетъ, а не богатѣетъ.

Въ тотъ періодъ жизни человѣчества, для сужденія о которомъ мы располагаемъ историческими, археологическими и палеонтологическими данными, мы наблюдаемъ процессъ страшнаго вымиранія, а вовсе не развитія фауны. Виды и роды не умножаются въ числѣ. Нѣкогда на землѣ съ человекомъ жилъ мамонтъ. Гдѣ онъ теперь? Нѣсколько скелетовъ въ музеяхъ, да издѣлія изъ мамонтовой кости—вотъ всѣ реликвіи, сохранившіяся отъ него. Исчезли пещерные львы, тигры, носороги съ двойною перегородкою, вымеръ туръ, вымерли морскія коровы, исчезла гиганская птица *diornis*. Что стало на мѣсто ихъ? Пусть мнѣ назовутъ роды, о которыхъ можно сказать: ихъ не было, когда ѣ были, но они существуютъ теперь. Нѣтъ, все то, что существуетъ теперь—я не говорю о множествѣ мелкихъ породъ легко возвращающихся къ первобытному типу,— существовало и тогда. Природа потеряла много родовъ, но не восполнила ихъ ничѣмъ. Мало этого мы присутствуемъ при процессѣ вымиранія многихъ родовъ и рѣшительно не видимъ ничего новаго, чтобы шло имъ на смѣну. Развѣ дни бенгальскихъ тигровъ не сочтены? Развѣ африканскій левъ и носорогъ не находятся на пути къ вымиранію. Немного лѣтъ тому назадъ въ Африкѣ было найдено новое млекопитающее окани—нѣчто среднее между осломъ и жирафомъ. Въ прошедшемъ оно повидимому было распространено значительно и было извѣстно въ Египтѣ, но его открыли только затѣмъ, чтобы констатировать, что оно скоро исчезнетъ совсѣмъ. Исчезнуть и волки и медвѣди, которыхъ истребляютъ. Исчезнуть и зубры, которыхъ запрещаютъ истреблять. Дичь которой такъ много въ метафорическомъ смыслѣ, исчезаетъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Млекопитающія вымираютъ, начиная съ китовъ и кончая бобрами и куницами. Но вымираніе ихъ есть обѣдненіе природы, есть уменьшеніе ея красоты. Какъ будто жизненные силы ослабѣваютъ у ней, какъ будто она старѣетъ.

Физическія теоріи, стоящія на очереди дня, объясняютъ и оправдываютъ наблюдаемый нами процессъ. У земли со-

крашаются доходы, солнце по теоріи должно давать все меньше и меньше процентовъ тепла землѣ и хотя въ этомъ вопросѣ есть много темнаго и неяснаго, хотя повидимому въ непосредственно предшествовавшую нашей геологическую эпоху (ледниковую) въ нашихъ широтахъ было холоднеѣе, чѣмъ теперь, тезисъ, что настоящій холодъ ожидаетъ насъ въ будущемъ, считается непререкаемымъ. То, что мы наблюдаемъ, утверждаетъ насъ въ мысли, что мы живемъ не при процессѣ возрастанія жизни, а при процессѣ ея ослабленія. Но если даже допустить, что мы не поднялись до зенита, то все равно рано или поздно Человѣчество должно спуститься къ закатамъ.

Конечно, нельзя оспаривать, что знаніемъ предотвращаются страданія. Зная людей, вы избавитесь отъ многихъ скорбей, причиняемыхъ людьми. Зная среду, вы приспособляетесь къ ней. Медицина, техника, агрономія предотвращаютъ горе, предупреждаютъ удовлетвореніе потребностей. Но удобства жизни, подаваемые знаніемъ, не дѣлаютъ человѣка счастливымъ, они расслабляютъ его и дѣлаютъ мало способнымъ къ борьбѣ съ невзгодами, которыхъ не предвидѣло его знаніе. Знаніе даетъ средства для жизни, но поскольку оно ихъ даетъ, постольку оно какъ будто понижаетъ и ослабляетъ самую жизнь и постольку оно дѣлаетъ для человѣка страшнымъ незнаніе. Пока человѣкъ ничего не знаетъ, онъ боится меньше, чѣмъ когда онъ кое-что узнаетъ. Слабья боли, которыя отъ времени до времени чувствуетъ ничего не знающій человѣкъ, не смущаютъ его. „Пройдетъ“, думаетъ онъ. Человѣкъ, питающій нѣжныя чувства къ медицинѣ, напротивъ, смутится: не представляютъ ли собою эти боли симптома какой-либо страшной, можетъ быть смертельной болѣзни? Если съ одной стороны знаніе надмеваетъ, то съ другой—заставляетъ трусить.

За всѣмъ тѣмъ пусть знаніе даетъ средства для жизни, но эти средства цѣнны лишь въ томъ случаѣ, если цѣнна жизнь, если есть нѣчто, что дѣлаетъ ее цѣнною. И вотъ говорятъ, что знаніе само по себѣ есть самодовлѣющая цѣль жизни, дѣлающая жизнь счастливою. Климентъ Александрійскій говорилъ, что занятіе науками даетъ человѣку счастье, выше котораго только блаженство въ царствѣ небесномъ. Безъ сомнѣнія, есть не мало ученыхъ, которые на-

ходить свое счастье въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Мы знаемъ историковъ, которые всю жизнь свою связали съ изслѣдованіемъ жизни одного или нѣсколькихъ историческихъ дѣятелей и открытіе каждаго новаго документа относительно этихъ лицъ, выясненіе какихъ либо деталей относительно ихъ жизни давали имъ счастье. Мы знаемъ математиковъ, почти вся жизнь которыхъ прошла въ изслѣдованіи уравненій икосаэдра или подобныхъ детальныхъ вопросовъ. Но это знаніе не есть вѣдъ древо знанія. Собираніе табакерокъ, монетъ, коллекціонированіе растений данной мѣстности, все это интересно, но все это не разрѣшаетъ человѣку никакихъ міровыхъ загадокъ и не открываетъ насущно нужныхъ ему истинъ. Когда говорятъ о наукѣ, какъ о самодовлѣющей цѣли человѣческихъ занятій, подъ наукою разумѣютъ ученіе объ истинѣ, подъ истинною разумѣютъ знаніе того, откуда мы вышли и куда мы идемъ, знаніе нашего участія въ міровомъ процессѣ и характера мірового процесса: имѣетъ ли онъ какую-нибудь цѣль, достигнувъ которой онъ долженъ преобразоваться, или онъ вѣченъ и безцѣленъ? тѣлесная смерть есть ли конецъ всего или наше существованіе будетъ продолжаться и послѣ смерти тѣла? Случайны ли принципы морали, которымъ мы болѣе или менѣе подчиняемся, или нѣтъ ни добра, ни зла, а существуетъ лишь правда?

У Шиллера есть стихотвореніе *Archimedes und der Schüler*. Къ Архимеду приходитъ ученикъ, который, именуя науку богиней, восхищается вмѣстѣ съ тѣмъ техническими изобрѣтеніями и усовершенствованіями, которыя создала наука и которыя принесли много пользы отечеству. Архимедъ отвѣчаетъ, что если *wissbegieriger Jüngling* видитъ въ наукѣ богиню, то не долженъ искать въ ней жены (*Weib*). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Архимедъ утвердилъ, что наука дѣйствительно есть божественное искусство и по его мысли этому искусству должно служить безкорыстно. Чистая наука не имѣетъ въ виду практическихъ приложеній, она служитъ только истинѣ.

Древо знанія есть древо истины. Если это такъ, то все человѣчество должно устремиться къ древу знанія. Познать истину? Что можетъ быть выше этого. Пусть эта истина будетъ печальна и выразится буддійскою формулою: бытіе

есть зло. Все-таки лучше знать это, чѣмъ пребывать въ невѣдѣніи и заблужденіи. Да эта формула еще и не такъ страшна. Если что-либо называютъ зломъ, то тѣмъ самымъ утверждаютъ существованіе идеи добра, какъ высшаго оцѣночнаго мѣрила. Есть формула болѣе ужасная: понятія добра и зла субъективны. Этою формулою отрицается существованіе всякаго оцѣночнаго мѣрила для существующаго и всякаго смысла въ существованіи. Но за всѣмъ тѣмъ лучше знать эту ужасную истину, чѣмъ пребывать во лжи. Истиной хочеть владѣть человѣкъ. Что же даетъ человѣку наука подъ именемъ истины? Она даетъ ему систему понятій о вещахъ, ихъ связи и взаимоотношеніи между собою. Скучная вещь—эти понятія, но тѣмъ не менѣе давайте выяснимъ, что они представляютъ собою, даютъ-ли они намъ что-нибудь похожее на истину, отражаютъ-ли они ее въ себѣ хотя бы такъ, какъ кривое зеркало отражаетъ въ себѣ нашъ образъ, или всѣ эти понятія только искусственные, завѣдомо фиктивные символы, помогающіе намъ оріентироваться въ дѣйствительности, но безусловно не отражающіе ее въ себѣ?

Безъ всякихъ колебаній и сомнѣній должно отвѣтить словомъ „да“ на послѣдній вопросъ. Попытаюсь выяснитъ это. Мы хотимъ все понять. Что же такое понятіе?

Русское слово *понятіе* почти точно отвѣчаетъ нѣмецкому *Begriff*, *понять* т.-е. поять, схватить—*begreifen*. Очевидно, по мысли гѣхъ, кто первоначально употреблялъ эти термины, *понять* что-нибудь значило схватить что-нибудь умомъ, умственно овладѣть чѣмъ-либо. Этому отвѣчаетъ и латинское слово *conceptus* (отсюда русское концепція) отъ *concipio* = *sum* + *capio* = схватываю. Овладѣть чѣмъ-либо умственно значитъ узнать что-либо. Причемъ для того, чтобы схватить умомъ, обыкновенно раньше нужно бываетъ схватить предметъ физически. Для того, чтобы имѣть понятіе о вкусѣ персика или яблока, я долженъ ихъ отвѣдать, т.-е. схватить не только руками но и зубами. Обычный пріемъ для ознакомленія съ матеріей есть ощупываніе. Схватывать можно не только руками, но и глазами и слухомъ. Я схватываю глазами разстилающійся передо мною видъ, я схватываю слухомъ топотъ или шорохъ. Но затѣмъ въ дѣлѣ познанія слово-схватываніе становится метафорой. Мы говоримъ о человѣкѣ: онъ быстро схватываетъ сущность дѣла. При этомъ

схватываніи, понятно, не пускаются въ ходъ физическія орудія или органы. Однако это схватываніе духовное можетъ вести къ схватыванію физическому, къ физическому овладѣнію предметовъ. Что человекъ понялъ, къ тому онъ можетъ приспособиться, или то можетъ самъ приспособить къ себѣ. Разъ человекъ понялъ законы паденія тѣлъ, онъ можетъ ихъ утилизировать. Такимъ образомъ терминъ понятіе (схватываніе, овладѣваніе) изъ метафорическаго можетъ опять стать буквальнымъ.

Понятіе о предметѣ есть познаніе предмета, мысль о предметѣ. Такому значенію понятія отвѣчаютъ греческія слова *λογος, εννοια*, французское *notion* авглійское *notion* (тождественное по написанію съ французскимъ, но иначе произносимое: латинское *novi* — я знаю). Но и сужденіе и умозаключеніе есть познаніе, точно также и представленіе является познаніемъ. Понятіе, какъ логическая форма, отличается отъ этихъ и логическихъ и психологическихъ формъ. Оно можетъ приближаться къ нимъ, быть шире ихъ и уже, но оно не тоже, что они. Мы найдемъ логическій смыслъ этого термина, отправляясь отъ обыденнаго пониманія слова понятіе. Что мы хотимъ сказать, когда говоримъ: я имѣю понятіе объ этомъ предметѣ, или когда говоримъ: вы не имѣете никакого понятія о томъ, о чемъ разсуждаете? Очевидно, мы усваиваемъ слову понятіе нѣкоторое содержаніе и нѣкоторыя границы. Очевидно, понятіе есть нѣкоторое познаніе о предметѣ, но не всякое познаніе есть понятіе; иначе фраза: вы разсуждаете о дѣлѣ, не имѣя никакого понятія, не имѣла бы никакого смысла, такъ какъ всякое разсужденіе конечно исходитъ изъ какого-нибудь, хотя бы и очень скуднаго познанія. Если я скажу, что я знаю о Шекспирѣ и Ньютонѣ только то, что они были англичанами, то съ полнымъ правомъ мнѣ скажутъ, что я не имѣю о нихъ никакого понятія, но если я скажу: творецъ Гамлета Шекспиръ или открывшій принципъ всемірнаго тяготѣнія Ньютонъ, слушающіе меня должны будутъ признать, что я имѣю понятіе объ этихъ лицахъ. Ни Гамлетъ, ни принципъ тяготѣнія не исчерпываютъ того, что дали человечеству Шекспиръ и Ньютонъ, но уже этимъ Шекспиръ и Ньютонъ отличаются отъ всѣхъ людей, которые жили и будутъ жить. Эти признаки сообщаютъ имъ печать индивидуальности, и мы по этимъ при-

знакамъ всегда узнаемъ ихъ и отличимъ отъ другихъ людей. Такое познаніе предмета, такую мысль о предметѣ, которая указываетъ, почему можно узнать всегда этотъ предметъ, логика называетъ *понятіемъ*. Каждый реальный предметъ имѣетъ безчисленное множество признаковъ. Попробуйте точно и подробно описать вѣшнюю форму какого-либо камня, и вы никогда не кончите этого дѣла. Вы укажете сотни подробностей, но все таки форма камня не будетъ восстановлена вполне, и къ этимъ подробностямъ всегда окажется возможнымъ приспособить другой камень, который затѣмъ будетъ отличаться многимъ отъ перваго. Но вы можете указать нѣсколько признаковъ, по которымъ этотъ камень, пока онъ будетъ существовать въ томъ же видѣ, всегда можно будетъ узнать. Часто бываетъ нужно немного признаковъ, чтобы выдѣлить предметъ. Я говорю: городъ подъ 55° 45' сѣверной широты; подъ этой широтой можетъ быть много городовъ и въ Европѣ и въ Азіи и въ Америкѣ; но я прибавляю еще: подъ 37° 37' восточной долготы отъ Гринвича. Одинъ только городъ въ мірѣ удовлетворяетъ этимъ условіямъ, это — Москва. Но характерно-ли это для Москвы? Если по этому всегда можно узнать Москву, то это само по себѣ не даетъ знанія о Москвѣ. Если намъ скажутъ: городъ, въ которомъ находится старѣйшій русскій университетъ, то мы зная лишь широту и долготу Москвы, не можемъ догадаться, что здѣсь идетъ рѣчь о Москвѣ. Достаточное въ одномъ отношеніи наше понятіе сказывается недостаточнымъ во многихъ. Для сужденій, даже для узнаваній намъ нужны такіе признаки предмета, которые не только бы принадлежали исключительно этому предмету, но которые валагали бы собою печать и на всѣ прочіе признаки предмета, такъ что и по этимъ прочимъ признакамъ мы могли бы его узнать. Географическое положеніе Москвы, безъ сомнѣнія обуславливавшее въ значительной мѣрѣ ея исторію, однако не даетъ Москвѣ характернаго отпечатка. И Коломна, и Дмитровъ, и Можайскъ имѣютъ широту и долготу, близкія къ московской, но отличаются отъ Москвы гораздо болѣе, чѣмъ многіе далеко отъ нея отстоящіе города. Но если мы опредѣлимъ Москву по ея населенію, составу этого населенія по національности, (бразованію, состоянію, профессіямъ, то, зная это, мы будемъ имѣть понятіе и о многихъ иныхъ сторонахъ жизни Москвы. У насъ

будетъ приблизительное представленіе о состоявіи учебнаго дѣла, торговыхъ оборотахъ, потребленіи, движеніи. Если послѣ этого намъ скажутъ: городъ со столькими-то больницами, со столькими-то трамваями и извозчиками, мы спросимъ: не Москва-ли? потому что цифры, сообщаемыя намъ, подходятъ къ тѣмъ, которыя вытекаютъ изъ данныхъ о количествѣ и характерѣ московскаго населенія. Когда насъ просятъ дать понятіе о какомъ-либо предметѣ, то разумѣютъ, чтобы мы указали не только признакъ, принадлежащій исключительно этому предмету, но чтобы указали характерный признакъ, т. е. такой, изъ котораго бы вытекали и многіе иныя признаки. *характеръ* по гречески значить печать, характерный признакъ, это такой, который кладетъ свою печать на всѣ свойства предмета. Ньютона мало характеризуетъ обстоятельство, что онъ былъ директоромъ монетнаго двора въ Англии, но то, что онъ открылъ принципъ тяготѣнія характеризуетъ его, какъ великаго физика и математика, но вся его жизнь и все его значеніе для человѣчества резюмируется въ томъ, что онъ былъ великій физикъ и математикъ. Свѣдѣніе, что Шекспиръ былъ актеромъ въ лондонскомъ театрѣ, мало сообщаетъ намъ о Шекспирѣ. Но трагедія Гамлетъ характеризуетъ намъ автора и какъ гениальнаго драматурга, какъ титана трагедіи. Шекспиръ написалъ не одного Гамлета и Ньютонъ открылъ не одинъ законъ тяготѣнія, но зная ихъ, какъ авторовъ этой трагедіи и этого закона, мы уже принимаемъ, какъ естественное, само собою понятное и мало прибавляющее новыхъ чертъ, что Шекспиръ написалъ Макбета и Лира, Ньютонъ открылъ теорію флюксії (дифференціальное исчисленіе), разложилъ солнечный лучъ, развилъ теорію биннома. Есть нѣчто, что характеризуетъ людей и предметы. Зная это характерное свойство, мы иногда не умѣемъ назвать его. Мы имѣемъ такъ сказать безсознательное понятіе о лицѣ или предметѣ и мы пользуемся имъ, не облакая его въ логическую форму. Очень нетрудно уловить различіе между произведеніями Мурильо и Рафаеля. Можно и не умѣть и не стараться выразить его въ словахъ, но оно чувствуется. Человѣкъ, видѣвшій произведенія Мурильо и Рафаеля въ различныхъ галлерейхъ Европы и затѣмъ вошедшій въ квадратный залъ парижскаго Лувра, безъ труда укажетъ здѣсь, какія произведенія принадлежатъ Мурильо и какія Рафаелю.

Онъ руководствуется безсознательно составившимся у него понятіемъ о характерныхъ особенностяхъ творчества у того и у другого. Мы узнаемъ людей по голосу, т. е. по тембру ихъ голоса, хотя и не составляемъ себѣ отчета объ особенностяхъ этого тембра. Мы узнаемъ своихъ знакомыхъ по лицу. Но если бы составили списокъ примѣтъ нашихъ знакомыхъ для того, чтобы по этимъ примѣтамъ ихъ могли узнавать другіе, въ большинствѣ случаевъ эти примѣты, сводящіяся къ традиціонной формѣ паспортовъ: особыхъ примѣтъ нѣтъ, оказались бы совершенно бесполезными. Для себя мы имѣемъ понятія объ особенностяхъ лицъ нашихъ знакомыхъ, но мы не можемъ эти понятія передать другимъ. Логическое понятіе выражается въ словѣ, оно есть выраженіе мысли о характерномъ или характерныхъ признакахъ лица или предмета или свойства. Признакъ вообще есть черта, приписываемая предмету, которою онъ сближается съ одними предметами и отличается отъ другихъ. Кошка есть животное млекопитающее. Этимъ кошка сближается съ собакою, лисицею и отличается отъ курицы и гуся. Признаки бываютъ различныхъ родовъ. Важнѣйшее дѣленіе ихъ на слѣдующіе три рода: основные (существенные), производные (атрибутивные) и случайные (акцидентальные). Основные признаки—это суть тѣ, которые нельзя вывести изъ другихъ признаковъ, но которые сами обуславливаютъ существованіе производныхъ признаковъ. Человѣкъ есть основной признакъ негра, этимъ обуславливается его разумность, способность къ рѣчи, общественности, религіи. Квадратъ есть основной признакъ въ которыхъ четырехугольниковъ, изъ этого признака слѣдуетъ, что они равносторонни, равноугольны, что діагонали у нихъ взаимно перпендикулярны и много иныхъ. Но изъ производныхъ признаковъ, взятыхъ въ отдѣльности, не слѣдуютъ обыкновенно основные. Изъ того, что четырехугольникъ равностороненъ, не слѣдуетъ, что онъ квадратъ, онъ можетъ быть ромбомъ. Изъ равноугольности также не слѣдуетъ, что данный четырехугольникъ квадратъ, онъ можетъ быть прямоугольникомъ. Только нѣсколько производныхъ признаковъ даютъ возможность заключать къ основному. Изъ равносторонности и равноугольности четырехугольника слѣдуетъ, что онъ квадратъ. Отъ признака разумности еще нельзя заключать къ признаку: человѣкъ. Христіанская ре-

лігія учить вѣрить въ существованіе ангеловъ. Допускаютъ существованіе разумныхъ существъ на небесныхъ мірахъ. Но если сказать: чувственно разумное существо, живущее на землѣ, то эта совокупность признаковъ опредѣлитъ признакъ основной: человѣкъ. Не трудно видѣть, что понятія основного и производнаго признака являются относительными. Одинъ и тотъ же признакъ можетъ быть рассматриваемъ какъ основной и какъ производный. Равносторонность въ четырехугольникѣ обуславливаетъ много свойствъ: параллельность противоположныхъ сторонъ, равенство противолежащихъ угловъ. Равносторонность по отношенію къ этимъ признакамъ явится основнымъ, а они по отношенію къ ней производными. Случайные признаки это тѣ, которые мы не умѣемъ, или которые дѣйствительно нельзя связать причинною связью съ остальными признаками предмета. Планета солнечной системы Сатурнъ, это существенный признакъ Сатурна, но если намъ скажутъ: окруженная кольцомъ планета Сатурнъ, то окруженная кольцомъ въ нашихъ глазахъ явится случайнымъ признакомъ Сатурна. Мы не можемъ представить и мыслить это кольцо, какъ необходимый придатокъ планеты. Не трудно однако видѣть, что и какъ раздѣленіе признаковъ на основные и производные зависитъ отъ точки зрѣнія, съ которой совершается дѣленіе, такъ и признаціе признаковъ случайными часто обуславливается нашимъ незнаніемъ. Цвѣтъ шерсти у кошки конечно случайный признакъ, но во 1) въ отношеніи къ каждой данной кошкѣ онъ несомнѣнно обусловленъ особенностями ея зачатія и развитія, во 2) цвѣта кошекъ вообще и рисунокъ ихъ шерсти не обнаруживаютъ безконечнаго разнообразія—нѣтъ кошекъ зеленыхъ, красныхъ, нѣтъ кошекъ пятнистыхъ. Несомнѣнно вообще, что окраска ихъ шерсти и распредѣленіе ихъ окраски зависитъ отъ особенностей ихъ организаціи и значить—отъ основныхъ признаковъ. Затѣмъ должно установить, что связь признаковъ, будучи связью причинною, можетъ не быть связью математической необходимости. Изъ того, что окунь—рыба, слѣдуетъ, что онъ долженъ дышать жабрами, но этимъ основнымъ признакомъ далеко не опредѣляются подробности въ устройствѣ его жабръ. У американцевъ вообще пальцы длиннѣе, чѣмъ у европейцевъ, но знаніе наше, что извѣстный челонѣкъ американецъ, не даетъ намъ точной мѣры

для его пальцевъ. Понятіе о предметѣ съ логической точки зрѣнія есть знаніе основныхъ признаковъ предмета. Можетъ показаться, что это логическое пониманіе понятія стоитъ въ полномъ несогласіи съ обыденнымъ. Основные признаки суть тѣ, изъ которыхъ вытекаютъ прочіе сами собою, которыми, значить, опредѣляются прочіе. Но въ такомъ случаѣ знаніе основныхъ признаковъ есть полное знаніе предмета. Между тѣмъ обыденная жизнь съ словомъ понятіе не соединяетъ представленія о полномъ знаніи. Если я говорю, что я имѣю понятіе о гистологіи, то это значить, что, какъ слѣдуетъ, я гистологін не знаю. Но на самомъ дѣлѣ, логическое и обыденное пониманіе понятія, мнѣ думается, сходятся. Во 1) въ большинствѣ случаевъ произвольные признаки не слѣдуютъ изъ основныхъ съ необходимостью и поэтому, значить, предметъ не опредѣляется своими основными признаками вполне, во 2) даже въ той области, гдѣ производные признаки вытекаютъ съ необходимостью изъ основныхъ, выводъ ихъ является дѣломъ сложныхъ умозаключеній, строяемыхъ столѣтіями. Всѣ свойства эллипсиса опредѣляются его основнымъ свойствомъ, что сумма разстояній каждой точки его отъ двухъ данныхъ точекъ, называемыхъ фокусами, есть величина для каждаго эллипсиса постоянная. Этимъ опредѣляются длина эллипсиса, свойства касательныхъ, съкушихъ, площадь и т. д. Однако нужны цѣлые мѣсяцы, чтобы выяснитъ себѣ эти выводы, и нужны были цѣлыя столѣтія, чтобы ихъ открыть. Основные признаки предмета даютъ намъ схему предмета, даютъ понятіе о предметѣ, но не дѣлаютъ для насъ предметъ всецѣло извѣстнымъ. Полно и правильно выбранные они даютъ возможность узнать предметъ, даютъ методъ для ближайшаго ознакомленія съ нимъ, но сами въ себѣ они не заключаютъ полного знанія предмета.

Во всемъ нашемъ предыдущемъ разсужденіи ясно подразумевалось, что одно и тоже понятіе можетъ отвѣчать не только единичному предмету, но цѣлой группѣ предметовъ. Изъ опредѣленія понятія, какъ мысли объ основныхъ признакахъ предмета, даже само собою слѣдуетъ, что большинство понятій должны быть общими. Признакъ, налагающій на предметъ печать индивидуальности, въ большинствѣ случаевъ трудно бываетъ вывести изъ основныхъ признаковъ

предмета. Индивидуальность обыкновенно характеризуется случайными признаками. Она опредѣляется также сочетаніемъ основныхъ признаковъ. Наше ограниченное мышленіе не можетъ узнать и запомнить всѣхъ признаковъ предмета, да это и не нужно намъ въ нашей повседневной жизни. Намъ нужны нѣкоторые характерные признаки предмета. Они оказываются общими у многихъ предметовъ, такимъ образомъ одно и тоже понятіе можетъ служить сказуемымъ для многихъ подлежащихъ. Отыскивая прислугу, мы желаемъ, чтобы она была честна и умѣла дѣлать свое дѣло. Съ этими свойствами можетъ соединяться множество иныхъ особенностей. Но насъ они не интересуютъ, мы ищемъ только то, что отвѣчаетъ нашему общему понятію. Легко видѣть, что общія понятія должны распадаться по степени своей общности. Положимъ посѣщеніе какого-либо зоологическаго сада познакомило васъ съ нѣсколькими слонами. Вы остановили ваше вниманіе на самомъ большемъ изъ нихъ. Вы составили понятіе объ опредѣленномъ слонѣ. Вамъ говорятъ, что этотъ слонъ африканскій, что видъ африканскихъ слоновъ характеризуется своей величиной и роскошными бивнями. Но извѣстныя границы размѣровъ, конечно, не самый важный признакъ въ слонѣ. Оставляя его въ сторонѣ, вы подъ понятіе слона подводите и видъ слоновъ индійскихъ. Они вообще меньше и голова у нихъ поставлена болѣе высоко. Въ общемъ понятіи слона особенности африканскаго и индійскаго видовъ устраниаются. Но существовали еще виды слоновъ, теперъ вымершіе — мамонты, мастодонты. Оставляя въ сторонѣ особенности видовъ, мы образуемъ понятіе животныхъ хоботныхъ, характеризующихся вообще значительною величиною, хоботомъ, бивнями. Отрядъ хоботныхъ оказывается близкимъ къ другимъ животнымъ. Устраняя въ нашемъ понятіи то, что ихъ различаетъ, общимъ признакомъ, сближающемъ ихъ между собою и отличающемъ ихъ отъ всѣхъ другихъ животныхъ, является то, что они рождаются дѣтенышей уже значительно развившихся. Мы имѣемъ теперь общее понятіе подкласса плацентарныхъ животныхъ. Но въ другихъ признакахъ наши животныя оказываются близки съ иными. Общій признакъ ихъ, что они рождаются дѣтенышей живыми и кормятъ ихъ молокомъ. Мы имѣемъ теперь общее понятіе млекопитающаго животнаго. Но млеко-

питающія животныя оказываются во многомъ сходны со многими немлекопитающими—съ птицами, рыбами, гадами. У всѣхъ у нихъ внутренней скелетъ, позвоночный столбъ, всѣ они имѣютъ двустороннюю симметрію, ограниченное число конечностей (не болѣе двухъ паръ). У насъ является понятіе позвоночнаго животнаго. Но существуютъ на свѣтѣ не только позвоночныя животныя. Около рыбъ ютится ракъ, у котораго нѣтъ скелета, и рядомъ съ маленькими птичками вытятся бабочки, иногда превосходящія ихъ своимъ размѣромъ. Анатомія бабочки совсѣмъ иная, чѣмъ анатомія птицы. Но въ ряду различныхъ признаковъ ихъ особенно сближаетъ одинъ—одушевленность. Мы отбрасываемъ признаки, различающіе позвоночныхъ и беспозвоночныхъ животныхъ и составляемъ понятіе одушевленнаго существа. Но процессъ обобщенія можетъ идти у насъ и далѣе. Общая черта всѣхъ животныхъ та, что они рождаются, питаются, растутъ, размножаются и умираютъ. Но эти черты принадлежать не однимъ одушевленнымъ животнымъ, а и растеніямъ. Отбрасывая то, чѣмъ различаются растенія и животныя, и соединяя то, что въ нихъ есть общаго, мы получаемъ понятіе организма. Но не пойдемъ теперь далѣе въ дѣлѣ обобщенія. Остановимся на анализѣ имѣющейся у насъ скалы понятій. Мы видимъ, что чѣмъ выше стоитъ понятіе по степени своей общности, тѣмъ для большаго числа особей оно можетъ служить сказуемымъ, но зато оно въ самомъ себѣ заключаетъ тѣмъ менѣе признаковъ. Вѣдь къ тому слону, о которомъ мы начали рѣчь, можно приложить всѣ тѣ признаки, которые мы указывали въ высшихъ понятіяхъ: онъ и африканскій, и хоботное животное, и плацентарное, и млекопитающее, и позвоночное, и одушевленное и организмъ. Но организмъ можетъ быть и неодушевленнымъ (роза), одушевленное—беспозвоночнымъ (червь) и т. д. *Совокупность признаковъ, указываемыхъ въ понятіи, называется его содержаніемъ; совокупность особей, для которыхъ данное понятіе можетъ служить сказуемымъ, называется его объемомъ.* Нетрудно видѣть, что между содержаніемъ и объемомъ существуетъ отношеніе обратной пропорціональности. Чѣмъ больше содержаніе понятія, тѣмъ меньше его объемъ, чѣмъ больше объемъ, тѣмъ меньше содержаніе. У организма вообще гораздо меньше признаковъ, чѣмъ у растенія, и у растенія вообще меньше

признаковъ, чѣмъ у осины. Разумѣется, эту обратность нельзя понимать въ строго математическомъ смыслѣ: если число признаковъ уменьшилось вдвое, то объемъ вдвое увеличится. Нѣтъ, въ различныхъ случаяхъ дѣло произойдетъ различнымъ образомъ, но въ общемъ всегда съ уменьшеніемъ объема—хотя на самомъ дѣлѣ и въ различной пропорціи—будетъ возрастать содержаніе и наоборотъ.

Разсмотрѣніе взаимоотношенія понятій по содержанію и объему показываетъ намъ, что судьба понятій можетъ быть двоякою. Они могутъ подлежать или обобщенію или дифференцировкѣ. Устраняя признаки, различающіе нѣсколько понятій, мы образуемъ изъ нихъ одно—высшее. Это—процессъ обобщенія. Внося въ понятіе новые признаки, взаимно исключающіе одинъ другого, напр. въ понятіе о физической природѣ человѣка—бѣлый, желтый, черный цвѣтъ кожи—мы разлагаемъ одно понятіе на нѣсколько, производимъ процессъ дифференцированія. Очевидно для того, чтобы эти процессы дифференцированія и обобщенія были плодотворными и цѣлесообразными, нужно, чтобы они совершались согласно нѣкоторымъ логическимъ требованіямъ. Понятіе есть мысль объ основныхъ признакахъ предмета. Когда мы хотимъ расширить его объемъ, то мы, значитъ, хотимъ по принципу сходства сблизить его съ другими понятіями. Очевидно, мы должны сблизять то, что наиболѣе близко и родственно между собою, что различается между собою въ наименѣе существенныхъ и важныхъ признакахъ. Такъ совершался у насъ процессъ обобщенія понятія африканскаго слона, мы сблизили его прежде всего не съ лошадей, и не съ двуутробкой, а со слономъ индійскимъ, съ которымъ у него существуетъ лишь незначительное различіе по величинѣ и нѣкоторымъ второстепеннымъ признакамъ. Такъ возрастаніе объема должно совершаться черезъ устраненіе наименѣе важныхъ признаковъ изъ содержанія. Наоборотъ, уменьшеніе объема должно совершаться на счетъ обогащенія содержанія существенными признаками. Мы могли бы дифференцировать понятіе организма такимъ образомъ: организмы четвероногіе и организмы нечетвероногіе. Береза и человѣкъ оказались бы по этой классификаціи ближе между собою, чѣмъ человѣкъ и левъ. Такая дифференцировка понятій является только образованіемъ празднаго умственнаго

балласта изъ понятій. Но если мы расчленимъ понятіе организма съ точки зрѣнія одушевленности (далѣе—отсюда слѣдующей способности къ произвольному движенію), мы раздѣлимъ міръ организмовъ на два царства, жизнь которыхъ течетъ рѣзко различными путями.

Для возможно полнаго выясненія понятія, какъ логическаго продукта, важно рассмотретьъ отношеніе его къ представленіямъ и сужденіямъ. Представленія суть продукты психологическіе, сужденія — процессы логическіе. Понятія сближаются съ первыми, потому что вмѣстѣ съ ними они суть продукты познанія. Понятія сближаются съ сужденіями, потому что вмѣстѣ съ ними они суть акты логическіе.

„Я имѣю нѣкоторое представленіе объ этомъ дѣлѣ“, „я имѣю нѣкоторое понятіе объ этомъ дѣлѣ“. Въ обыденной жизни подобныя выраженія употребляются нерѣдко, какъ взаимозамѣнимыя. Однако уже обыденная жизнь и самымъ рѣзкимъ образомъ подчеркиваетъ ихъ различіе. Съ словомъ представленіе связывается образъ, съ словомъ понятіе связывается мысль. Мысль отыскиваетъ въ предметъ существенные признаки, въ представленіи отпечатлѣваются признаки наиболѣе сильно воздѣйствовавшіе на воспринимавшаго при актѣ воспріятія. Въ представленіи ворона черный цвѣтъ выступаетъ на одно изъ первыхъ мѣстъ, въ понятіи о воронѣ черному цвѣту можно отвести лишь третьестепенное мѣсто. Черная окраска несомнѣнно обусловлена какимъ то факторомъ, играющемъ постоянное значеніе въ жизни ворона, но этотъ факторъ не имѣетъ рѣшающаго значенія для его жизни. Воронъ можетъ быть и бѣлымъ. Подъ воздѣйствіемъ какихъ-либо условій можетъ образоваться порода и бѣлыхъ вороновъ. Представленіе даетъ образъ характерный черной съ сильнымъ сталью-синимъ, даже зеленоватымъ блескомъ окраски, мысль стремится найти болѣе важный признакъ, обуславливающей эту характерную и упорную окраску. Понятіе является результатомъ анализа взаимоотношенія признаковъ, выясненія важности каждаго изъ нихъ. Въ представленіи анализъ взаимоотношенія признаковъ отсутствуетъ. Представленіе отличается живостью, понятіе — схематизмомъ. Изъ этого опредѣленія, какъ равно изъ указанія и другихъ различій, само собою слѣдуетъ, что по своей способности къ обобщенію представленія и понятія находятся

въ обратномъ отношеніи. Обобщить два родственныя понятія въ одно высшее не трудно. Нѣмецъ и французъ легко обобщаются въ европейца, овца и лошадь въ млекопитающее. Но обобщать представленія далеко не такъ легко, не даромъ нѣкоторые психологи даже утверждаютъ, что общихъ представленій не существуетъ, что, представляя треугольникъ вообще, всегда представляютъ болѣе или менѣе опредѣленный треугольникъ. Позволительно утверждать, что общія представленія существуютъ. Усвоивъ индивидуальное названіе какой-либо вещи, маленькіе дѣти даютъ его потомъ другой подобной вещи. У Тэна (нѣсколько съ другою цѣлью) приведены примѣры, сообщенные др. Либеромъ, какъ мальчикъ словомъ „нимъ“ которое онъ употреблялъ для обозначенія кашицы, сталъ обозначать все съѣдобное. Какъ тотъ же мальчикъ, усвоивъ видно нѣсколько особенный смыслъ словамъ хорошій мальчикъ, рекомендовалъ потомъ корову: „хорошій мальчикъ корова“, а дѣвочка, желая избранить доктора, сказала: „докторъ дурная дѣвочка“. (Тэнъ, Объ умѣ и познаніи перев. Сграхова 1872, т. II, стр. 143—4). Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ, что одно представленіе является сказуемымъ для другого. Что это значитъ? Конечно, то, что первое представленіе имѣетъ характеръ представленія общаго. Но процессъ обобщенія чѣмъ дальше онъ восходитъ въ сферѣ представленія, тѣмъ болѣе становится тусклымъ и неопредѣленнымъ. Какъ представить вещь вообще, животное вообще, организмъ вообще? Такихъ общихъ представленій не можетъ быть. Между тѣмъ такія общія понятія существуютъ и характеризуются полной отчетливостью и опредѣленностью.

Но это мы сравнивали строго логическія понятія съ чистыми представленіями. Въ дѣйствительности мы не обладаемъ обыкновенно ни тѣми и ни другими. Мы пользуемся несовершенными понятіями—чѣмъ то среднимъ съ большимъ или мевшимъ наклономъ въ ту или другую сторону—между понятіемъ и представленіемъ. Представленія преобразуются въ понятія постепенно. Сначала мы имѣемъ представленіе рѣки, затѣмъ на урокахъ физической географіи это представленіе преобразуется въ понятіе. Искусственныя школьныя условія нерѣдко заставляютъ насъ мѣнять представленіе на понятіе, но по естественному ходу развитія должна совер-

шаться не смѣна, должно происходить преобразование. Движеніе отъ представленія къ понятію совершается посредствомъ сужденія. Сужденіе объясняетъ или оцѣниваетъ представленія. Оно сознательно устанавливаетъ связь признаковъ въ единичномъ представленіи и оно утверждаетъ или видоизмѣняетъ связь признаковъ въ представленіи общемъ. Но не есть ли въ такомъ случаѣ сужденіе одно и то же съ понятіемъ? Грамматически понятіе и сужденіе различаются легко. Въ общемъ — понятіе есть подлежащее. Это — прежде всего, далѣе сказуемое, дополненіе, но всегда только одинъ членъ предложенія. Сужденіе есть предложеніе. Черный воронъ и воронъ черенъ. Первое выраженіе есть понятіе, второе—сужденіе. Первое выраженіе можетъ быть лишь частью предложенія, слѣдовательно лишь частью рѣчи. Взятое отдѣльно оно не даетъ мысли. Второе выраженіе есть предложеніе, есть рѣчь. Но не ограничивается ли здѣсь все дѣло грамматическимъ различіемъ? Нѣтъ, иногда понятіе можетъ состоять изъ предложенія и все-таки оно не будетъ сужденіемъ. Александръ, побѣдившій народы, не могъ побѣдить самого себя. Побѣдившій народы—равно предложенію и на нѣкоторыхъ языкахъ только и можетъ быть выражено въ формѣ: который побѣдилъ народы. Однако „Александръ, побѣдившій народы“, есть понятіе, а не сужденіе. Александръ побѣдилъ народы есть сужденіе. Различіе между понятіемъ и сужденіемъ позволительно, думается, выразить въ такой формѣ, которая однако нуждается въ оговоркахъ и разъясненіяхъ. *Въ понятіи предметъ мыслится въ совокупности своихъ признаковъ, въ сужденіи опредѣляется взаимоотношеніе двухъ или болѣе предметовъ.* Мудрый Сократъ — и Сократъ есть мудрецъ—суть понятіе и сужденіе. Въ первомъ мы мыслимъ мудраго Сократа, какъ вѣчто цѣлостное, и мы не мыслимъ ничего кромѣ Сократа, во второмъ мы рядомъ съ образомъ Сократа поставляемъ болѣе общій образъ мудреца, и мы приходимъ къ заключенію, что понятіе *Сократъ* находится въ объемѣ понятія *мудрецъ*. Для выясненія предложенной формулы различіе между понятіемъ и сужденіемъ должно обратить вниманіе, что одно и то же понятіе можно разсматривать то какъ признакъ, то какъ предметъ. Это не согласуется съ обычнымъ раздѣленіемъ понятій на абстрактныя и конкретныя, изъ каковыхъ первыя суть свойства, а

вторыя предметы. Но у насъ уже была рѣчь, что конкретны въ дѣйствительности лишь индивидуумы. Человѣка вообще также не существуетъ, какъ не существуетъ разумности. Существуютъ лишь разумные и неразумные Иваны. Всякое общее понятіе есть совокупность признаковъ. Только индивидуумъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ признакъ, но индивидуумъ не можетъ быть сказуемымъ сужденія. Все же что можетъ быть сказуемымъ, есть признакъ или сумма признаковъ. Ньютонъ былъ геній. Этимъ мы утверждаемъ, что абстрактный признакъ разумности принадлежалъ Ньютону въ высшей мѣрѣ, чѣмъ другимъ людямъ. Но съ другой стороны и каждый признакъ мы можемъ разсматривать какъ предметъ. Если мы отвлекаемъ признаки разумности, извѣстнаго тѣлеснаго облика, отъ людей и создаемъ образъ человѣка, то также мы можемъ отвлечь бѣлизну отъ снѣга и сахара. Различіе повидимому ясное: за свойствомъ не скрывается субстанціи, за бѣлизною не мыслится сущности, напротивъ, предметъ сахаръ, снѣгъ — предполагаютъ собою совокупность свойствъ. Но если взглянуть на дѣло съ другой стороны, то пожалуй свойства окажутся болѣе реальными, чѣмъ предметы. Въдѣ бѣлизна есть проявленіе чего то, какой то субстанціи, и мы имѣемъ всѣ основанія думать, что это что-то причина бѣлизны, тождественно въ снѣгѣ и сахарѣ. То, что производитъ бѣлизну, есть нѣкоторая сила, сущность, воздѣйствующая на насъ, и она можетъ быть мыслима нами, какъ реальность. Въмѣсто этой силы, непосредственно нами не наблюдаемой, мы можемъ трактовать, какъ реальность, ея проявленіе. Въдѣ, сущность мы и нигдѣ не наблюдаемъ и вездѣ имѣемъ дѣло лишь съ явленіями. Что такое радуга? Есть ли это нѣчто абстрактное или конкретное? Последовательный сторонникъ раздѣленія понятій на абстрактныя и конкретныя долженъ признать понятіе радуги абстрактнымъ. Радуги, какъ семицветной ленты, не существуютъ. На самомъ дѣлѣ это-есть наша субъективная окраска дождевыхъ капель, падающихъ передъ нашими глазами при извѣстныхъ условіяхъ въ ту пору, когда солнце находится позади нашей головы. Точно также мы говоримъ о дождевой струѣ, какъ о конкретной величинѣ, но дождевой струи не существуетъ, а существуютъ лишь отдѣльныя дождевыя капли, которыя только для нашего несовершеннаго

глаза сливаются въ одно цѣлое. Поскольку радуга признается нами чѣмъ то конкретнымъ, постольку можетъ быть признанъ конкретнымъ и каждый изъ радужныхъ цвѣтовъ. Значить, рассуждая послѣдовательно, мы и красноту можемъ трактовать, какъ реальность. Общій итогъ нашей рѣчи таковъ. Считая свойство или явленіе, какое бы то ни было, знакомъ сущности (реальности), мы можемъ всякое свойство разсматривать какъ реальность. Разсматривая всякую совокупность свойствъ независимо отъ опредѣленнаго ихъ носителя (индивидуума), мы можемъ трактовать такую совокупность—человѣкъ, животное, какъ абстракцію. Примѣняя это къ нашему опредѣленію понятій и сужденій, мы получаемъ слѣдующее: въ понятіи мы имѣемъ одну реальность, мыслимую, какъ одно со всѣми своими признаками, въ сужденіи мы рѣшаемъ вопросъ о соотношеніи двухъ реальностей. Въ понятіи мы ничего не рѣшаемъ, ничего не судимъ. Въ понятіи мы имѣемъ одно. Для того, чтобы явилось сужденіе, его нужно соотнести съ чѣмъ либо другимъ. Лондонъ есть понятіе, Лондонъ существуетъ — есть сужденіе. Въ понятіи Лондона мы конечно мыслили признакъ существованія, но въ сужденіи мы выдѣляемъ этотъ признакъ, какъ нѣчто самостоятельное само по себѣ, существуетъ въ данномъ случаѣ равно: существующій городъ. Существующій городъ по обычному опредѣленію есть конкретное понятіе, есть обозначеніе реальности, слѣдовательно въ настоящемъ случаѣ, мы имѣемъ соотношеніе двухъ обозначеній реальностей или, такъ какъ наше мышленіе предметно, соотношеніе двухъ предметовъ.

Въ отношеніи къ сужденіямъ и представленіямъ понятіе можетъ быть опредѣлено, какъ представленіе усовершенствованное или улучшенное посредствомъ сужденій. Понятія вырастаютъ изъ представленій при помощи сужденій. Но какъ это ни странно, этотъ продуктъ логической работы рѣдко находитъ себѣ мѣсто въ современныхъ логикахъ. Въмѣсто понятій логики трактуютъ объ именахъ и терминахъ. Это словоупотребленіе, получившее широкое распространеніе, трудно оправдать, хотя съ нимъ и приходится мириться. Что такое имя? Названіе вещи. Проектируютъ въ Москвѣ нѣкоторыя улицы по примѣру западныхъ городовъ называть именами выдающихся русскихъ писателей. Назадъ тому

нѣсколько лѣтъ одинъ переулочекъ въ Москвѣ носилъ имя Газетнаго, теперь онъ называется Камергерскимъ, а подѣ Газетнымъ разумѣютъ, кажется, его часть. Но именно логика учитъ насъ, что съ логической точки зрѣнія значеніе всѣхъ такихъ перемѣнъ равно нулю. Пусть всѣ эти перемѣны совершатся. Подѣ новыми именами мы будемъ разумѣть старыя вещи. У насъ останутся старыя представленія и старыя понятія. Не имена намъ нужны и дороги, а то, что мы разумѣемъ подѣ именами. Имя, слово есть случайный знакъ для вещи и сами по себѣ слова должны быть предметомъ не логическаго, а филологическаго анализа. И на самомъ дѣлѣ то, что мы читаемъ въ логикахъ объ именахъ, относится не къ именамъ, не къ словамъ, а къ понятіямъ. Милль въ своей логикѣ дѣлитъ имена на конкретныя и абстрактныя — обозначенія предметовъ и признаковъ. Онъ настаиваетъ на различіи общихъ именъ, напр. человѣка, и именъ абстрактныхъ, напр. разумности. Милль разсуждаетъ объ именахъ общихъ и индивидуальныхъ. Вся эта рѣчь основывается на анализѣ признаковъ того, о чемъ идетъ рѣчь. Не имя анализируетъ Милль, когда говоритъ, что слово „цвѣтъ“ обозначаетъ классъ признаковъ и есть имя общее, а слово „равенство“ обозначаетъ отдѣльный признакъ, не измѣняющійся ни по степени, ни по роду, и потому подходитъ подѣ понятіе единичнаго. А потомъ высказываетъ признаніе, что и эта классификація не вполне подходитъ къ этимъ именамъ. Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о понятіяхъ и ихъ классификаціи, а вовсе не о вербальныхъ наименованіяхъ. Должно различать слово, понятіе и вещь. Мы имѣемъ собственно понятія о вещахъ, слова мы употребляемъ, какъ сокращенные знаки понятій, но вслѣдствіе предметнаго характера нашего мышленія мы разумѣемъ подѣ понятіями вещи: подставивъ вмѣсто понятій слова, мы разумѣемъ вещи подѣ словами. Такъ, въ концѣ концовъ словомъ вытѣсняется и мысль и фактъ. Но должно твердо помнить истинную природу этихъ родовъ существующаго и должно ставить мысль въ правильное отношеніе къ словамъ и фактамъ.

Въ нѣкоторыхъ логикахъ вмѣсто имени фигурируетъ слово терминъ. Здѣсь разсужденіемъ о терминахъ замѣняютъ разсужденіе о понятіяхъ. Этотъ приѣмъ, вызывая противъ себя

всѣ возраженія, которыя вызываетъ замѣна трактата о понятіяхъ трактатомъ объ именахъ, вызываетъ еще нѣкоторыя спеціальныя возраженія. Подъ терминами разумѣются обыкновенно слова для обозначенія научныхъ, техническихъ, правовыхъ и т. д. спеціальныхъ понятій. Посылка есть терминъ въ логикѣ и посылка есть терминъ на почтѣ. Самое слово терминъ служитъ въ логикѣ терминомъ: малымъ терминомъ называется подлежащая заключенію въ силлогизмѣ, большимъ терминомъ сказуемое заключенія, среднимъ терминомъ—понятіе, устанавливающее въ посылкахъ, т. е. предложеніяхъ, изъ которыхъ дѣлается заключеніе, связь между большимъ и малымъ терминомъ. Такъ, термины суть слова для обозначенія многихъ классовъ понятій, но не всѣхъ понятій. Когда въ логикахъ разсуждаютъ о терминахъ, какъ объ именахъ, то произвольно вопреки общему употребленію расширяютъ значеніе слова терминъ. А затѣмъ опять говорятъ не о словахъ, а о понятіяхъ. Самое слово терминъ, какъ знакъ понятія, должно признать выбраннымъ удачно. Терминъ латинское *terminus* значитъ граница, но полагать чему-нибудь границу, значитъ полагать предѣлъ, опредѣлять. Терминъ есть опредѣленіе. Понятіе есть мысль, исчерпывающая предметъ. Терминъ есть знакъ опредѣленія. Но только тогда слово будетъ терминомъ, когда его безмолвно или громко, т. е. по молчаливому или явно выраженному согласію всѣ или многіе признали знакомъ логическаго опредѣленія. Логика, силлогизмъ, дедукція, индукція являются терминами. Но когда слово употребляется, не скрывая за собою опредѣленія, даннаго наукою или закономъ, его нельзя назвать терминомъ. Пусть даже законъ и наука употребляютъ его какъ знакъ опредѣленія, и утилизируютъ его въ своихъ цѣляхъ, но если его обычное употребленіе ставитъ независимо отъ науки или права, то его не считаютъ терминомъ. Слово „домъ“ не есть терминъ. Не терминъ и слово „жиллице“.

Въ курсахъ французскихъ логикъ нерѣдко подъ терминами разумѣютъ обозначеніе идей, а подъ идеями разумѣютъ понятія. Я упоминаю объ этомъ лишь для того, чтобы это имѣли въ виду при чтеніи французскихъ логическихъ трактатовъ. Тѣмъ болѣе, что слово идея употребляется и въ значеніи отличномъ отъ понятія. Понятіе есть мысль о пред-

метѣ и идея есть мысль о предметѣ. Но понятіе, какъ это согласно съ филологическимъ происхожденіемъ слова, есть мысль, схватившая предметъ, а идея, какъ это тоже согласно съ значеніемъ слова (*idéa eídōs*)—видъ, образъ) есть мысль, предвосхищающая существованіе предмета, предъизображающая предметъ. Идея есть мысль, которая должна стать дѣйствительностью, реализоваться; понятіе есть мысль объ этой осуществившейся дѣйствительности. Мысль въ своей реализаціи обыкновенно осуществляетъ себя не всецѣло, дѣйствительность часто оказывается ниже замысла, реальность такимъ образомъ не вполне отражаетъ въ себѣ идею, а понятіе не вполне схватываетъ даже реальность. Вы знаете, что согласно съ философіей Платона есть умопостигаемый міръ идей, несовершеннымъ отраженіемъ котораго является міръ дѣйствительный. Изъ этой философій уже на христіанской почвѣ развилась теорія, что существуютъ высшія нормы—нормы идеальныя, въ осуществленіи которыхъ человѣкъ далеко отступаетъ отъ того; что они намѣчаютъ и требуютъ. Въ нравственной области эту теорію каждый можетъ проверить на себѣ. Мы постоянно сознаемъ, что должны поступать такъ то, а поступаемъ иначе, сознаемъ свое несоотвѣтствіе своему идеалу. Это различіе значенія идеи, какъ первообраза или должнаго образа вещи, и понятія, какъ мысли о томъ образѣ, въ которомъ вещь явилась, нужно имѣть въ виду, но нужно имѣть въ виду также, что это различіе не всегда помнятъ, и что слово идея на русскомъ языкѣ нерѣдко употребляется просто въ значеніи „мысль“.

С. Глаголевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
